

ДЕВУШКА НЕСКОЛЬКО ЛЕТ УТАИВАЛА НА ИСПОВЕДИ НЕКОТОРЫЕ СВОИ ГРЕХИ И ПРОСИЛА У БОГА ВСЁ САМОМУ УСТРОИТЬ. ОДНАЖДЫ, ПРИЕХАВ В ОПТИНСКИЙ МОНАСТЫРЬ, НЕОЖИДАННО ДЛЯ СЕБЯ ПОПАЛА НА ИСПОВЕДЬ К НЕЗНАКОМОМУ СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЮ, КАК ОКАЗАЛОСЬ ПРОЗОРЛИВОМУ СТАРЦУ (прозорливые старцы – те, кому Бог открывает сокровенное прошлое и будущее к ним приходящих) ПРЕПОДОБНОМУ ВАРСОНОФИЮ ОПТИНСКОМУ (1845—1913 г.г.) И ОН, ВЕРНО НАЗВАВ ЕЙ СКРЫВАЕМЫЕ ГРЕХИ, ДОБАВИЛ, ЧТО ЕСЛИ БЫ ОНА ИХ НЕ ИСПОВЕДОВАЛА, ТО ПОШЛА БЫ В АД. А ОН БЫЛ ПРОЗОРЛИВЫМ... И ЕСЛИ ЕМУ БЫЛИ ОТКРЫТЫ БОГОМ ГОД, МЕСЯЦ И МЕСТО СОВЕРШЕНИЯ ГРЕХА, НАВЕРНОЕ, ПРО АД ЕМУ ТОЖЕ БЫЛО ДОПОДЛИННО ИЗВЕСТНО... (Печатается в сокращении)

ИСПОВЕДЬ У ПРОЗОРЛИВОГО СТАРЦА

Рис.: <http://www.neizvestniy-geniy.ru/cat/playcasts/nastroenie/1646595.html>

... Потом батюшка подошел к Тихвинской и сел в кресло.

– Подойди ближе.

Я робко подошла.

– Встань на коленочки.

Я смутилась, думаю, зачем это, только старцы на исповеди приказывают становиться на колени. А батюшка как засмеется, узнав мою мысль:

– У нас правило такое: мы сидим, а около нас, по смирению, становятся на коленочки.

Я так прямо и рухнула, не то что встала.

– Поближе, поближе, еще поближе.

Встала я совсем близко, даже глаза

пришлось отвести – так близко оказалась я от батюшкиного лица. Взял батюшка меня за оба плеча, посмотрел на меня безгранично ласково, как никто и никогда на меня не смотрел, и произнес:

– Дитя мое милое, дитя мое сладкое, деточка моя драгоценная! Тебе двадцать шесть лет?

– Да, батюшка, – снова изумилась я.

– И сколько страданий ты видела в жизни! – И крепко-крепко прижал меня к себе. – Ты так молода, и целое море слез вылила ты за такую короткую жизнь.

И опять крепко прижал меня. Я почувствовала, что сердце мое тает и во мне творится что-то необъяснимое. Вся душа моя потянулась к батюшке, я почувствовала, что это именно то, о чем я молилась всю жизнь, это именно такой человек, который сам откроет мою душу.

– Да, – продолжал батюшка, – тебе двадцать шесть... Сколько тебе было

четырнадцать лет тому назад?

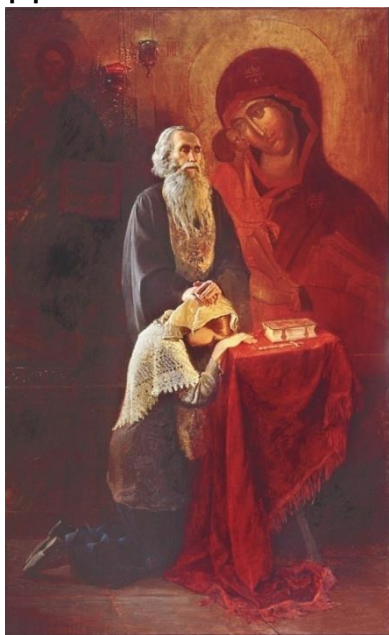
– Двенадцать, – ответила я, секунду подумав.

– Верно. И с этого года у тебя появились грехи, которые ты стала скрывать на исповеди. Хочешь, я скажу тебе их?

– Скажите, батюшка, – несмело ответила я.

Тогда батюшка начал по годам и даже по месяцам говорить мне о моих грехах так, будто читал их по раскрытой книге. Были случаи, когда он не указывал прямо на грехи, а спрашивал, помню ли я то-то. Я отвечала: «Этого не могло быть, батюшка, я точно знаю». Тогда старец кротко указывал мне на сердце, говоря: «Неужели ты думаешь, что я знаю это хуже тебя, я ведь лучше тебя вижу всю твою душу». И после таких слов я мгновенно вспоминала грех. Только один случай на восемнадцатом году не могла припомнить, и его батюшка пока оставил.

Исповедь, таким образом, шла минут 25. Я была совершенно уничтожена, уничтожена сознанием своей величайшей греховности и сознанием, какой великий человек передо мной. Как осторожно открывал он мои грехи, как боялся, очевидно, сделать больно и в то же время как властно и сурово обличал в них. Когда видел, что я жестоко страдаю, придвигал свое ухо к моему рту близко-близко, чтобы я только шепнула: «Да». Или так же тихо говорил мне на ухо что-нибудь особенно страшное.

<http://www.stsl.ru/news/all/nastavlenie-k-ispovedi-iz-rasskazov-strannika>

– Всю жизнь ты должна быть благодарна Господу, приведшему тебя к нам, в Оптину. Я даже не знаю, за что так милосерд к тебе Господь? Могла бы ты теперь умереть?

– Конечно, батюшка.

– И ты пошла бы знаешь куда?.. Прямо в ад.

Так все во мне и заledenело. А я ведь в своем самомнении думала, что выделяюсь среди всех своей христианской жизнью.

Боже, какое ослепление, какая слепота духовная!

– *Встань, дитя мое!*

Я встала, подошла к аналою...

Когда я наклонила голову и батюшка накрыл меня епитрахилью и стал читать разрешительную молитву, я почувствовала, что с меня сваливается такая невероятная тяжесть, мне делается так легко, что даже непривычно. Точно я была набита какой-то гнилью, трухой – и меня вытрясли. Я не выдержала и разрыдалась...

Плакала так, что думала захлебнусь, утону в слезах. Целовать крест не могла и как была с опущенной под епитрахилью головой, так и осталась. Батюшка поднес крест совсем близко. Затем, взяв меня за руку, сказал:

– Больше этих грехов ты не будешь открывать на исповеди никому, они прощены там, – и он указал рукой на небо.

Я плакала все сильнее.

– Разве, дитя мое, ты не рада, что все так случилось, и Господь открыл мне твои грехи?

– Я страшно рада, батюшка, я всю жизнь молилась о послании мне такого человека и к вам за этим ехала.

– Ну вот Господь и услышал твою молитву... Ты знаешь, я должен был приехать завтра, но почувствовал, что есть погибающие души, и для вас приехал сегодня.

Я начала целовать ему руки, плечики, а он начал меня благословлять и ласково прижимать к груди. Я от слез не могла поднять головы. Батюшка дунул мне в лоб, как бы изгоняя оставшуюся грязь.

– Подними голову, детка, дай мне взглянуть на твои глазки.

Они так распухли от слез, что и на свет-то смотреть едва могли.

– Как расположилось мое сердце к тебе, как полюбил я тебя, и сам не знаю за что... И ведь твоя душа расположилась ко мне.

От слез, умиления, радости я едва могла ответить утвердительно и принялась снова обцеловывать батюшкины ручки.

Крепко-крепко прижал меня старец:

– Сокровище мое, дитя мое драгоценное, ребеночек Божий, помоги и спаси тебя Господь! После всего, что Господь открыл мне про тебя, ты захочешь прославлять меня как святого – этого не должно быть, слышишь? Я – человек грешный. Ты никому не скажешь, что я открыл тебе на исповеди, и маме не будешь говорить. А станет мама спрашивать, отчего плакала, скажешь, исповедовал батюшка, говорили по душам, ну о грехах и поплакала. Много-много есть из твоих подруг, гибнущих именно потому, что не говорят на исповеди, а есть одна из твоих знакомых, имени ее не знаю, но есть одна, близка ее гибель, ее нужно спасти. Так ты всех посылай в Оптину помолиться и ко мне направляй: зайдите, мол, к отцу Варсонофию на благословение, а уж мое дело спасать.

Преподобный Варсонофий Оптинский

<http://www.pravoslavie.ru/sas/image/102791/279178.b.jpg>

Много-много раз благословил меня батюшка и отпустил... Мама, сидевшая с монахиней на лавочке близ скита, увидя меня плачущей, быстро подбежала ко мне.

– В монастырь велел идти?

– Нет, нет, и речи об этом не было, а только никогда я не думала, что увижу такую святость, – сквозь рыдания я едва могла вымолвить, сразу же забыв наставления батюшки никому не прославлять его...

– В монастырь велел идти?

– Нет, нет, и речи об этом не было, а только никогда я не думала, что увижу такую святость, – сквозь рыдания я едва могла вымолвить, сразу же забыв наставления батюшки никому не прославлять его...

Источник: Прп. Варсонофий Оптинский (Плиханков) «Духовное наследие». Часть 4-я, Воспоминания об отце Варсонофии его духовных чад.

https://azbyka.ru/otechnik/Varsonofij_Optinskij/duhovnoe-nasledie/4